

Ж: 8475

А. П. ПРИБЫЛЕВА-КОРБА и В. Н. ФИГНЕР

V БИЛ

НАРОДОВОЛЕЦ
АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ
МИХАЙЛОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

ЖГ. 8475

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ СОЦИАЛИСТИЧ. БИБЛИОТЕКА

А. П. ПРИБЫЛЕВА-КОРБА и В. Н. ФИГНЕР

У ФИЛ.

А. Д. МИХАЙЛОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — 1925 — МОСКВА

Для Плеханова

96 97

Воспоминания об А. Д. Михайлове ¹⁾.

Я познакомился с А. Д. Михайловым осенью 1875 года, когда он, окончивши гимназический курс, поступил в Технологический институт в Петербурге. Знакомство наше состоялось на одной из многочисленных тогда студенческих сходок, на которых обсуждались занимавшие молодые умы вопросы о „знании и революции“, „хождении в народ“, пропаганде, агитации и т. п. Сходка, о которой я говорю, состоялась где-то около Технологического института в довольно просторной и высокой комнате, битком набитой студентами различных учебных заведений. Проспоривши часа два подряд, мы все почувствовали нестерпимую духоту и решили отворить форточку. Тогда наступил род перерыва, и прения приняли частный характер: собрание разбилось на небольшие группы, в которых продолжалось обсуждение различных спорных пунктов. Мы горячились и кричали, не обращая внимания на то, что, благодаря открытой форточке, собрание наше могло обратить на себя внимание дворников и полиции. Вдруг все голоса были покрыты чьим-то громким напоминанием об осторожности. Обернувшись в сторону говорившего, мы увидели довольно высокого, белокурого господина в красной шерстяной рубашке и высоких сапогах.

— Вы лучше помолчите, господа, пока форточка открыта,— продолжал белокурый господин, не проронивший до тех пор ни одного слова и потому не обративший на себя ничего внимания.

Не знаю почему, все мы расхохотались над этим предостережением, но не отказались однако последовать благому совету. У многих явилось желание познакомиться с осторожным господином, одетым настоящим „нигилистом“. Около него образовалась кучка, посыпались вопросы: где учиться, как ваша фамилия и т. д.— „Михайлов, студент Технологического института, первокурсник“, обстоятельно пояснял, с легким заиканием, белокурый господин, не обращаясь ни к кому в частности. Я был в числе вопрошавших и, узнавши, что Михайлов—технолог, спросил его о новых правилах, только-что введенных Вышнеградским и вызывавших всеобщее неудовольствие студентов.

— Говорят, что не сегодня-завтра студенты откажутся ходить на репетиции, и начнутся „беспорядки“?

¹⁾ „На родине“ № 3. Жен., 1883, с. 31—51.

— Студенты очень возбуждены, и „беспорядки“ весьма возможны, но я не приму в них ни малейшего участия,—отвечал мой новый знакомый.

Это откровенное заявление ужасно удивило меня, так как отказ поддержать товарищей в их справедливых требованиях считался несомненным признаком трусости.

— Видите ли, в чем дело,—невозмутимо продолжал Михайлов, они хотят сообща отказаться от репетиций, потому что каждый из них боится сделать это в одиночку. Я давно уже переступил этот рубикон: с самого поступления в институт я не был ни на одной репетиции, так как считаю их совершенно бесполезными. Если бы и другие поступили как я, то новые правила были бы устранены фактически, и тогда не было бы надобности в „беспорядках“ и неизбежных затем высылках.

— Но ведь те, которые не являются на репетиции получают нуль, а за несколько нулей студент не допускается к экзамену.

— А пусть себе ставят нули, ведь нельзя же оставить на второй год всех студентов, всех курсов.

— Но пока вы один, с вами это наверно случится.

— Это уже их дело, а я все-таки не пойду на репетиции, потому что это пустая трата времени.

На этом и прекратился мой разговор с Михайловым. Вскоре после нашей первой с ним встречи действительно начались „беспорядки“ в Технологическом институте, а за ними последовали административные „водворения на родину“. Михайлов был выслан одним из первых, хотя он сдержал слово и не принимал ни малейшего участия в „беспорядках“. Его выслали как упрямого протестанта против новых порядков, доказавшего свою „злую волю“ непосещением репетиций еще в то время, когда другие студенты являлись на них самым исправным образом. Его водворили, кажется, в Путивле, откуда он скоро перебрался в Киев.

В шумном водовороте петербургской студенческой жизни я скоро совсем забыл о Михайлове, не подозревая, что мне еще придется жить и действовать с ним вместе. Поэтому я таки порядком удивился, когда в октябре 1876 года столкнулся с ним на имперьяле конно-железной дороги. После первых приветствий он рассказал мне свою одиссею и прибавил, что получивши разрешение вернуться в Петербург, он приехал с целью поступить в Горный институт или какое-нибудь другое высшее учебное заведение. В минуту нашей внезапной встречи он ехал на Садовую, чтобы осведомиться на счет правил приема в институт инженеров путей сообщения. Как человек практичный, он решил держать экзамены в двух учебных заведениях сразу, чтобы, „срезавшись“ в одном, не лишиться шансов на успех в другом. Нужно заметить, что приемные экзамены в Горный институт отличались тогда большою строгостью, так что опасения Михайлова касательно провала были не лишены основания. Впрочем техника

интересовала его в это время очень мало. Студенческий билет должен был доставить ему некоторую гарантию от преследований полиции, которая вообще неблагосклонно смотрела на пребывание в Петербурге людей „без определенных занятий“. Я не помню, удалось ли ему запастись этим громоотводом, знаю только, что поселившись в столице, Михайлов посвящал все свое время разыскиванию „настоящих революционеров“. Припоминая теперь его тогдашний образ жизни, я думаю, что Михайлов должен был пережить страшно много за каких нибудь два-три месяца. Он как бы переродился. Из уединенного обитателя Измайловского полка, каким я знал его год тому назад, он превратился в самого подвижного, самого живого члена студенческих „коммун“, нигде не остающегося надолго, но вечно перекочевывающего из одной квартиры в другую. „Коммуны“, в которых он вращался в это время, представляли собою иногда небольшую студенческую комнату, занимаемую вместе с настоящим ее хозяином целой массой пришлого населения. Я помню рассказ Михайлова об обстановке одной из таких коммун. На Малой Дворянской улице, на Петербургской стороне, в крошечном и низком деревянном домике, настоящей избушке на „курьих ножках“, кто-то из знакомых Михайлова занимал комнату, помещавшуюся в первом этаже и выходившую окнами на улицу. Мало-по-малу, вместо одного постоянного жильца в ней оказалось целых шестеро, размещавшихся, как это легко себе представить, без всякой претензии на удобства. Спали на кроватях, спали на столах, спали на полу, и когда к постоянным обитателям комнаты присоединялось несколько „ночлежников“, то весь пол был занят спящими, так что путешествие из одного угла комнаты в другой представляло собою настоящую „скачку с препятствиями“. Когда дворник отворял по утрам ставни наших окон, рассказывал Михайлов, то, пораженный этим необычным зрелищем, он мог только произнести: „—О, Господи!“ В настоящее время, конечно, ни один дворник не ограничился бы такими лирическими порывами, но лет пять-шесть тому назад ¹⁾ полиция снисходительнее смотрела на студенческие нравы и терпеливее „ожидала поступков“. Она ни разу не потревожила Михайлова и его сожителей, которые, не довольствуясь обычным в их квартире многолюдством, часто устраивали сходки из нескольких десятков человек. В то время сходки вообще были очень многолюдны и оживленны. Наступившее после арестов 1873—74 годов затишье уступило место новому оживлению молодежи, на развалинах старых кружков выросли новые организации, революционные „программы“ предшествующего периода заменялись так называемым „народничеством“.

Михайлов горячо интересовался всеми „проклятыми вопросами“ этого периода нашего революционного движения и принимал деятельное

¹⁾ Статья напечатана в 1883 году.—В. Ф.

участие во всех вызывавшихся ими дебатах. Посещая все, сколько-нибудь интересные собрания, он надеялся встретиться там с „настоящими революционерами“, которые облегчили бы ему переход от слова к делу. Надежды его оправдались в очень скором времени. На одной из сходов, если не ошибаюсь, в описанной уже выше „коммуне“ на Малой Дворянской улице, он познакомился с членами возникавшего тогда общества „Земля и Воля“¹⁾, и скоро сам был в него принят. Тогда окончился „нигилистический“, как любил выражаться Михайлов, период его жизни. Он достиг своей цели, нашел подходящих к его воззрениям людей, нашел кое-какую организацию и энергически принялся за ее расширение. Теперь он уже не посещал „коммун“, не ужасал дворников оригинальностью своего костюма. Он превратился в сдержанного организатора, взвешивающего каждый свой шаг и дорожающего каждой минутой времени. „Нигилистический“ костюм с его пледом и высокими сапогами мог обратить на себя внимание шпиона и повести к серьезным арестам. Михайлов немедленно отказался от него, как только взялся за серьезную работу. Он оделся весьма прилично, справедливо рассуждая, что лучше истратить несколько десятков рублей на платье, чем подвергаться ненужной опасности. Во всем кружке „Земля и Воля“ не было с тех пор более энергичного сторонника приличной внешности. Часто, после обсуждения какого-нибудь серьезного плана, он делал своему собеседнику замечание относительно неисправности его костюма и настаивал на необходимости ремонта этого последнего. Если собеседник отговаривался неимением денег, то Михайлов умолкал, но при этом записывал что-то шифром в свою книжечку. Через несколько дней он доставал денег и сообщал адрес недорогого магазина платья, так что его неисправно одетому товарищу оставалось только итти по указанному адресу, чтобы вернуться домой в приличном виде. Другую не менее постоянную заботу Михайлова был квартирный вопрос. Помимо обыкновенных житейских удобств, найденная им „конспиративная“ квартира имела много других, незаметных для глаза непосвященного в революционные тайны смертного. Окна ее оказывались особенно хорошо приспособленными для установки „знака“, который легко мог быть снят в случае появления полиции, так что, не входя еще в квартиру, можно было знать, что там „неблагополучно“; от других квартир она отделялась толстой капитальной стеною, так что ни одно слово не могло долететь до ушей, быть может, нескромных соседей; план двора, положение подъезда, — все было принято в соображение, все было приспособлено к „конспиративным“ целям. Я помню, как, показавши мне все достоинства только что нанятой им квартиры, на Бассейной улице,

¹⁾ Курсив мой в виду точного указания Плеханова на время возникновения о-ва „Земля и Воля“ (1876 г).—В. Ф.

Михайлов вывел меня на лестницу, чтобы обратить мое внимание на ее особенные удобства¹⁾.

— Видите, какая площадка, — произнес он с восхищением.

Признаюсь, я не понял — в чем дело.

— В случае несвоевременного обыска мы можем укрепиться на этой площадке и, обстреливая лестницу, защищаться от целого эскадрона жандармов, — пояснил мне Михайлов.

Вернувшись в квартиру, он показал мне целый арсенал различного оборонительного оружия, и я убедился, что жандармам придется дорого поплатиться за „несвоевременный“ визит к Михайлову.

Но все эти хлопоты занимали А. Д. лишь временно. Он собирался „в народ“ на Дон или на Волгу, туда, где, по его мнению, еще жива была память о Разине и Пугачеве, где народ не свyksя еще с ярмом государственной организации и не махнул рукой на свое будущее. Но так как бродячая пропаганда 1873—74 гг. не принесла хороших результатов, то общество „Земля и Воля“ решилось основать прочные поселения в народе, чтобы иметь возможность действовать осмотрительно, с знанием местности и разумным выбором личностей. Для этого, разумеется, нужно было занять известное положение в деревне, нужно было звание учителя, писаря, фельдшера или чего-либо подобного. Михайлов решился сделаться учителем, но не в православной, а в раскольничьей деревне. На пропаганду среди раскольников тогда возлагались очень большие надежды; беспоповцев, в особенности, считали, как и теперь считают многие, носителями неиспорченного идеала народной жизни, которых без большого труда можно превратить из оппозиционного — в революционный элемент русской общественной жизни. Наилучшею репутацию пользовались, конечно, бегуны. Мысль о заведении с ними правильных и постоянных сношений была не нова, но осуществление ее представляло большие трудности. Михайлов не видел возможности познакомиться с представителями этой секты иначе, как через посредство других, менее крайних, менее преследуемых, а потому, естественно, и менее недоверчивых сект. Он решился научиться всем обрядам беспоповцев, усвоить хотя главные основания их учений и затем, в качестве своего человека поселиться учителем в какой-нибудь раскольничьей деревне. Окончательный выбор его пал на Саратовскую губернию.

Весною 1877 года с разных концов России члены общества „Земля и Воля“ двинулись в Поволжье для устройства „поселений“. Пространство от Нижнего до Астрахани принято было за операционный базис, от которого должны были итти поселения по обе стороны Волги. В одном месте устраивалась ферма, в другом — куз-

¹⁾ Эта квартира на Бассейной была главной квартирой, где осенью 1876 г. собирались землевольцы и где при посещениях я всегда заставляла Марка Натансона.—В. Ф.

ница, там поселялся лавочник, здесь приискивал себе место волостной писарь... В каждом губернском городе был свой „центр“, заведывавший делами местной группы. Саратовская и астраханская группы непосредственно сносились с членами кружка, жившими в Донской области, а над всеми этими группами стоял петербургский „основной кружок“, заведывавший делами всей организации. Много потерь и неудач пришлось испытать и „основному кружку“ и местным группам, но, в общем, дела шли очень недурно. Как член „основного“ петербургского кружка, Михайлов должен был принимать деятельное участие в организации саратовской группы, но в то же время он усердно готовился к своей миссии среди раскольников. Приехавши в Саратов в конце июля 1877 г. и увидевшись с Михайловым, я узнал от него, что он уже завел знакомства между саратовскими раскольниками, даже поселился у одного из них на квартире и занимается изучением священного писания. Его новый образ жизни не раз вызывал во мне удивление к его железной настойчивости и самой строгой выдержанности. Раскольникье семейство, в котором он поселился, обитало где-то на окраинах Саратова и отличалось самыми патриархальными нравами. Много нужно было выдержки и терпения, чтобы приспособиться к этим допотопным нравам и не соскучиться выполнением раскольникчих обрядовых церемоний. Засидеться в гостях более 9 часов вечера считалось в этой среде чуть не преступлением; начинавшееся с рассветом утро посвящалось всевозможным молитвам, „метаниям“ и причитаниям; нечего и говорить о постах, которые соблюдались с педантической строгостью. Живя в комнате, отделенной от хозяйского помещения лишь тоненькой перегородкой, Михайлов не мог скрыть ни одного своего шага от подозрительного глаза хозяев и должен был взять себя в ежевые рукавицы, чтобы окончательно отделаться от столичных привычек. С поразительным терпением и аккуратностью молился он богу, расстилая на полу какой-то „плат“ и надевая на руку какой-то удивительный кожаный треугольник, висевший на длинном ремне. Помолвившись и повздыхавши о своих грехах, он принимался за чтение „священных“ книг и по целым дням назидался рассуждениями о пришествии Ильи и Еноха, о двуперстном сложении, о кончине мира и т. п. Скоро он так преуспел в этой раскольникчей теологии, что решился принять участие в диспутах, часто происходивших в православных храмах между православным духовенством и раскольникчими начетчиками. Он сообщил мне о своем намерении, и мы условились идти вместе. „Во едину от суббот“, в октябре или ноябре 1877 года, мы явились с ним в так называемую „Кивновию“, которая служила главной ареной обличительной деятельности саратовского духовенства. Всенощная уже окончилась, и оставшаяся в церкви публика очевидно ждала диспута. Скоро причетник поставил по середине церкви два аналоя, зажег около каждого из них по большому подсвечнику и стал поджидать „батьюшек“, ковыряя

в носу и напевая какую-то молитву. Мы воспользовались этой свободной минутой, чтобы расспросить его о предстоящем диспуте. Михайлова более всего интересовал вопрос о том, кто из раскольникчих „столпов“ будет отстаивать „древнее благочестие“. Но к великому его огорчению причетник отвечал, что раскольники почти перестали ходить на диспуты, так как, не довольствуясь книжной мудростью, „батьюшки“ доносят на своих оппонентов полиции, а за несогласие с духовной властью раскольники получают должное воздаяние от власти светской. Благодаря этому известию диспут утратил в глазах Михайлова почти всякий интерес, но он все-таки решился остаться, чтобы „посмотреть, что будет“. Нам недолго пришлось ожидать появления православных диалектиков. Из алтаря вышли один за другим два священника, неся в каждой руке по огромной книге, в кожаном порыжелом переплете. Подойдя к аналоям и возведя глаза к небу, они объявили, что целью их „собеседования“ будет оспаривание не помню уже какого догмата раскольников „австрийского согласия“. Михайлов стал слушать со вниманием. „Вот, например, раскольники утверждают, что перед пришествием антихриста церковь погибнет, — смиренномудро говорил один из „батьюшек“ — а между тем в Писании сказано...

— Соизжду церковь мою и врата адавы не одолеют ю, — подхватывая его товарищ, перелистывая порыжелые фолианты и отыскивая в них приличный случаю текст.

— „О господи, помилуй нас грешных — сокрушенно шептал кто-то в толпе, и „батьюшки“ переходили к новому пункту раскольникчих лжеучений.

Не подлежало никакому сомнению, что оппонентов в толпе не имеется. Смиренномудрые „лики“ „батьюшек“ озарились уже было сознанием победы, как вдруг А. Д. Михайлов попросил некоторых разъяснений. Дело шло о пришествии Ильи или Еноха. Михайлов утверждал, что для него неясен смысл относящегося сюда пророчества. „Батьюшки“ разъясняли его „сомнения“, он немедленно высказывал новые. Диспут оживился. Не интересовавшись никогда ни Ильей, ни Енохом, я был совершенным профаном в этих вопросах и не понимал решительно ничего во всем споре. Я видел только, что Михайлов говорит очень самоуверенно, что его не смущают возражения „батьюшки“ и что на каждый из приводимых ими текстов он приводит не менее веское свидетельство того или другого святого. Окружающие слушали его с большим вниманием, а „батьюшки“ чувствовали себя, как видно было, не совсем ловко. Они не ожидали такого отпора и несколько растерялись. Михайлов настойчиво допрашивал их, как понимают они пришествие Еноха — духовно или телесно; „батьюшки“ почему-то избегали прямого ответа.

Не знаю, чем кончилось бы это препирательство, если бы Михайлов не имел неосторожности упомянуть о бегунах. Как только назвал он эту секту, оппоненты его снова почувствовали себя на твердой почве.

— Ну да ведь бегуны и царя не признают, — воскликнул один из них.

— Бога бойся, царя почитай, — вторил другой громовым голосом.

Михайлов не имел ни малейшего желания толковать с ними о политике и в свою очередь стал отвечать уклончиво. Через несколько минут „собеседование“ окончилось. Мы направились к выходу.

— А позвольте вас спросить, обратился к Михайлову один из священников, — вы где живете?

Я вспомнил слова причетника и начал опасаться, что развязка диспута будет иметь место в полицейском участке.

— Да я не здешний, я из Камышина, — заявил, не смущаясь Михайлов:

— Да остановились-то вы где? — допрашивал батюшка.

— У одного знакомого, я ведь всего на два дня сюда приехал.

— Вы не подумайте, что я для чего-нибудь, — успокаивал неотвязчивый диспутант, — мне только хотелось бы поговорить с вами, я вижу в вас сомнения...

Кое-как отделившись от его допросов, мы вышли на улицу. Михайлов был доволен своим дебютом. Он убедился, что его усидчивые занятия не остались без результата и что он приобрел уже некоторый навык в богословских спорах. „Победихом, победихом“, — повторял он с веселым смехом и решился, не откладывая долее, ехать в какую-нибудь раскольничью деревню.

Его останавливала лишь необходимость отбывания воинской повинности. Солдатчина могла надолго отвлечь его от исполнения задуманного им предприятия. Но ему повезло неожиданное счастье. Отправившись в Москву и записавшись в одном из призывных участков, он вынул номер, по которому его зачислили в запас и отпустили на все четыре стороны. Он немедленно возвратился в Саратов и недели через две поселился где-то среди спасовцев в качестве „своего“ (т.-е. не назначенного от земства, а нанятого самими раскольниками) учителя.

Более я не встречался уже с ним в Саратове. Обстоятельства заставили меня вернуться в Петербург, где я прожил всю зиму 1877—1878 года. Михайлов изредка сообщал „основному кружку“ о своих успехах среди раскольников, но письма его были довольно лаконичны и бедны подробностями. „Весною приеду, расскажу более“, заключал он обыкновенно свои сообщения. Мы ждали его в середине мая.

Читатель помнит, конечно, какими бурными событиями ознаменовалась в Петербурге весна 1878 г. Стачки рабочих, процесс В. И. Засулич, давший повод к кровавому столкновению публики с полицией, демонстрация в честь убитого Сидорацкого, в которой принимали участие люди весьма солидного общественного положения — все это давало повод думать, что русское общество начинает терять

терпение и готово серьезно протестовать против произвола правительства. Живя в провинции, Михайлов только по газетам мог следить за положением дел в Петербурге. Его воображение дополняло газетные известия, и он был убежден, что в скором времени предстоят еще более крупные события. Он не вытерпел и в начале апреля уже мчался в Петербург, чтобы принять участие в тамошних волнениях. Надежды его однако не оправдались, одна ласточка не „сделала весны“. Энергия петербургского общества истощилась в очень короткое время, газеты не дотянули начатой ими либеральной ноты, и скоро все вошло в обычную уныло-казенную колею. Социалистам оставалось только примириться с новым разочарованием и продолжать начатую в народе работу. Махнул рукою на петербургскую „революцию“ и Михайлов. Он снова сосредоточил все свои помыслы на революционной деятельности среди раскольников. Но заручившись знакомством и связями в этой среде, он, как организатор по преимуществу, не удовлетворялся уже своею прежнею ролью одиночного наблюдателя раскольничьей жизни. Он стремился организовать целый кружок лиц, знающих историю раскола, начитанных „от писания“ и могущих не приспособляться только, но и приспосабливать к своим идеалам окружающих лиц. Он требовал от нашего кружка основания особой типографии с славянским шрифтом, специальною целью которой было бы печатание различных революционных изданий для раскольников. Чтобы хоть несколько подготовиться к своей будущей роли реформатора раскола, он начал усердно посещать Публичную Библиотеку, пользуясь каждой свободной минутой для изучения богословской литературы. К сожалению, времени у него было очень немного. Его организаторский талант делал необходимым участие его в различных революционных предприятиях, требовавших иногда весьма продолжительной беготни. К этому присоединился пересмотр программы общества „Земля и Воля“ и устава его организации. По смыслу выработанного в начале 1877 г. временного устава петербургского основного кружка, программа общества должна была подвергаться, если не ошибаюсь, ежегодному пересмотру с целью изменения или расширения ее сообразно с указаниями опыта. Но так как весной 1878 г. у нас не было еще ни малейшего сомнения в практической нашей программе, то оставалось только ввести в нее несколько дополнительных пунктов о деятельности в народе. Не так скоро покончили мы с уставом. Михайлов требовал радикального изменения устава в смысле большей централизации революционных сил и большей зависимости местных групп от центра. После многих споров почти все его предложения были приняты, и ему поручено было написать проект нового устава. При обсуждении приготовленного им проекта не малую оппозицию встретил параграф, по которому член основного кружка обязывался исполнить всякое распоряжение большинства своих товарищей, хотя бы оно и не вполне соответствовало его личным воззрениям. Михайлов не мог даже понять

точки зрения своих оппонентов. „Если вы приняли программу кружка, если вы сделали членом организации, то в основных пунктах у вас не может быть разногласий с большинством ее членов,—повторял он с досадой.—Вы можете разойтись с ними во взгляде на уместность и своевременность порученного вам предприятия, но в этом случае вы должны подчиниться большинству голосов. Что касается до меня, то я сделаю все, что потребует от меня организация. Если бы меня заставили писать стихи, я не отказался бы и от этого, хотя и знал бы наперед, что стихи выйдут невозможные. Личность должна подчиняться организации!“ В конце концов был принят и этот параграф с тем однако, добавлением, что организация должна, по возможности, принимать в соображение личные наклонности различных ее членов.

Покончивши с уставом, Михайлов снова углубился было в изучение раскольничьей литературы, но события все более и более отклоняли его от избранного им пути. Большинство членов основного кружка предложило Михайлову отложить на неопределенное время деятельность его среди раскольников и принять участие в организации некоторых из задуманных тогда предприятий. Волей-неволей ему пришлось подчиниться этому решению и оставить на время мысль о возвращении в Саратов. Было бы неудобно рассказывать здесь о том, что именно делал в это время Михайлов¹⁾. Я замечу только, что теперь, как и всегда, он фигурировал, главным образом, в роли организатора. Так, например, осенью 1878 г. ему поручено было ехать в Ростов на Дону с тем, чтобы собрать сведения о происходивших тогда в Луганской станице волнениях и, если окажется возможным, принять участие в движении казаков, организовавши предварительно особую организационную группу из местных „радикалов“²⁾. Михайлов отправился по назначению, но едва прибывши в Ростов, был снова отозван в Петербург, где во время его отсутствия произошли многочисленные аресты³⁾. По возвращении в Петербург, он нашел только немногие остатки незадолго перед тем сильного и прекрасно организованного „основного кружка“. Положение дел было самое печальное. Оставшиеся на свободе члены организации не имели ни денег, ни паспортов, у них не было даже возможности снестись с провинциальными членами организации, так как они не знали их местопребывания. Такая дезорганизация грозила, разумеется, новыми провалами. Я помню, что приехавши в Петербург спустя около недели после арестов, я не знал о них решительно ничего и только благодаря случайной встрече с одним из уцелевших членов нашей организации, я не пошел на квартиру Малиновской,

1) Это была попытка землевольцев освободить Войнаральского на пути из Харькова в централ. — В. Ф.

2) Эти волнения, если не ошибается моя память, происходили по поводу вопроса о введении земства. — В. Ф.

3) Трошанский, Малиновская, Коленкина, О. Натансон, Оболевцев. — В. Ф.

где полицейские хватали всякого проходящего. Михайлов принялся восстанавливать полуразрушенную организацию. С утра до вечера бегал он по Петербургу, доставая деньги, приготавливая паспорта, заводя новые связи, словом поправляя все, что было поправимо в нашем тогдашнем положении. Скоро дела наши пришли в некоторый порядок, и общество „Земля и Воля“ не только не распалось, но приступило даже к изданию своей газеты. Неутомимая деятельность Михайлова за этот период времени составляет одну из самых главных заслуг его по отношению к русскому революционному движению. Он уже окончательно теперь отказался от мысли возвратиться в Саратов и весь отдался организационным заботам.

В принципе Михайлов попрежнему признавал деятельность в народе главною задачею общества „Земля и Воля“, но он думал, что при наличных силах этого общества нельзя было надеяться на сколько-нибудь серьезный успех в крестьянской среде. „В настоящую минуту нам, находящимся в городах, нечего и думать об отъезде в деревню,—говорил он по возвращении из Ростова,—мы слишком слабы для работы в народе. Соберемся сначала с силами, создадим крепкую и обширную организацию, и тогда перенесем центр тяжести наших усилий в деревню. Теперь же волей-неволей приходится нам сосредоточить свое внимание на городских рабочих и учащей молодежи“. В то время мы были, действительно, так слабы, что никому из нас и в голову не приходило не соглашаться с Михайловым. Порешивши остаться в Петербурге, подразделили деятельность „основного кружка“ на несколько различных отраслей, так что каждому из нас предстоял особый род работы. На Михайлове лежали, главным образом, хозяйственные заботы. Он заведывал паспортной частью, типографией, распространением „Земли и Воли“, переписывался с провинциальными членами нашей организации, доставал и распределял средства между различными ветвями кружка и т. п.¹⁾ Уже это одно требовало очень значительной затраты времени, но Михайлов этим не ограничился. Аккуратный и точный до педантизма, он всегда умел так распределить свои занятия, что у него оставалось по несколько свободных часов ежедневно. Этими часами, которые, казалось бы, составляли законное время отдыха, он воспользовался для деятельности среди рабочих. Здесь, как и везде, он фигурировал, главным образом, в роли организатора. Не имея возможности лично посещать рабочие кварталы, он старался, по крайней мере, собирать сведения обо всем, что происходило в революционных рабочих группах, снабжал их книгами, деньгами, паспортами, а глав-

1) В I т. собр. соч. Плеханова (Пб. 1920 г.), где перепечатана эта статья, Плехановым поставлена сноска:

„Прибавлю, что, главным образом, благодаря его усилиям взялся за свою оригинальную деятельность знаменитый Клеточников, которому многие из нас,—я в том числе,—обязаны были тем, что могли счастливо избежать полицейских ловушек“. — В. Ф.

ное давал множество самых разнообразных и всегда разумных советов. Кроме того, вращаясь среди петербургской революционной молодежи, он сблизился с личностями, способными, по его мнению, взяться за революционную пропаганду между рабочими, вводил их в занимающую этим делом группу и способствовал, таким образом, расширению последней. В особенности сблизился он с „рабочей группой“ во время большой стачки в январе или феврале 1879 года. Рабочие фабрики Шау и так называемой Новой Бумагопрядильни на Обводном канале забастовали почти одновременно, сговорившись, через посредство делегатов, „стоять дружно“ и начинать работу не иначе, как с общего согласия стачечников обеих фабрик. Более 1500 человек осталось, временно, без всякого заработка, а следовательно, и без всяких средств к существованию, если не считать кредита в мелочных лавочках. Кроме того предвиделось вмешательство полиции и административные расправы с „бунтовщиками“. Нужно было организовать немедленную материальную помощь всем стачечникам и обеспечить семейства арестованных или высланных в особенности. Работа закипела. Сборы производились повсюду, где была какая-нибудь надежда на успех: между рабочими, студентами, литераторами и т. д. При своих огромных связях Михайлов часто в один день собирал такую сумму, какой не собирали другие сборщики за все время стачки. Каждый день, явившись на заседание „рабочей группы“¹⁾, Михайлов предъявлял ей довольно значительную сумму денег и немедленно начинал самые обстоятельные расспросы. С довольным видом, пощипывая свою эспаньолку, выслушивал он рассказы людей, сошедшихся с разных концов Петербурга, заноса в свою записную книжечку всевозможные поручения относительно паспортов, прокламаций, даже оружия и костюмов. Выработавши план действия на следующий день, собрание расходилось, и Михайлов спешил по какому-нибудь новому делу, на свидание с тем или другим „человечком“, на собрание какой-нибудь другой группы нашего общества или самого „основного кружка“.

А. Д. никогда не мог увлечься каким-нибудь специальным делом до забвения, хотя бы и временного, других отраслей революционного дела. Каждое отдельное предприятие имело для него смысл лишь в том случае, когда он видел, понимал и, если можно так выразиться, осязал связь его со всеми остальными функциями общества „Земля и Воля“. Не будучи никогда литератором ни по случаю, ни по призванию, он не пропускал ни одного собрания редакции, издававшейся тогда „Земли и Воли“: он не мог быть спокоен, пока не знал состава приготовляемого номера и содержания каждой его

¹⁾ Из предыдущего изложения читатель понял уже, вероятно, что „рабочую группу“ называлась группа, специальною целью которой была деятельность среди городских рабочих; в нее входили как рабочие, так и „интеллигенция“.

статьи. Редакция до такой степени привыкла к присутствию Михайлова на ее собраниях, что часто отсрочивала их, если он был чем-нибудь занят. „Я очень люблю читать Михайлову свои статьи,— говорил мне один из членов редакции¹⁾,— замечания его так удачны, так метки, что с ними почти всегда приходится согласиться, и часто я переменяю весь план статьи, прочитавши ему черновую рукопись“. Критические приемы Михайлова не лишены были некоторой своеобразности. Кроме согласия с программой, доказательности и хорошего слога он очень ценил в статьях краткость изложения. Как только на собраниях редакции приступали к чтению имеющихся в ее распоряжении рукописей, А. Д. вынимал часы (мимоходом заметим, имевшие удивительное свойство останавливаться на ночь: „тоже спать хотят“, — говорил Михайлов, заводя их утром) и замечал во сколько времени может быть прочитана та или другая статья. „Не торопитесь, потише,— останавливал он читающего, — публика читает обыкновенно медленнее... 25 минут, несколько длинно... Вы бы как-нибудь покороче; а кроме того я хотел вам заметить“... следовали замечания по существу дела.

Выход каждого номера „Земли и Воли“ ознаменовывался некоторым торжеством в квартире Михайлова. Тогда бывало „разрешение вина и елей“. В маленькой комнатке, наш „Катон-цензор“, — как называли мы его тогда, — приготовлял скромное угощение. Часов в девять вечера появлялись виновники торжества — члены редакции „Земли и Воли“, и начиналось „празднество“. Михайлов откупоривал бутылку коньяку, наливал из нее каждому по рюмке и тотчас же запирал в шкаф. Затем выступали на сцену какая-то „рыбка“ и чай со сладким печеньем. Спустивши штору и установивши „знак“ для кого-нибудь из запоздавших, Михайлов оживленно и весело беседовал с гостями, отдыхая от тревог и волнений истекшего месяца. Эти собрания были едва ли не единственным развлечением А. Д.; в театр он не мог пойти, если бы и захотел, так как это было бы „неосторожно“: там его могли узнать шпионы; у своих знакомых он оставался не долее, чем это требовало дело. Каждый вечер шифровал он в своей записной книжечке расписание предстоящих на завтра дел и свиданий, и, ложась спать, он долго еще ворочался в постели, стараясь припомнить каждую мелочь. Пробуждаясь на утро, он прежде всего бросал беглый взгляд на маленький клочок бумаги, висевшей над его кроватью и составлявший единственное украшение комнаты. На этой бумажке красовалось, написанное крупными буквами, лаконическое напоминание: „Не забывай своих обязанностей“. Как медный „змей“ спасал евреев от телесных недугов, надпись эта спасала Михайлова от случайных искушений и слабостей: желания проспать долее положенного времени, почитать утром газету и т. д.

¹⁾ В первом томе полного собрания соч. Плеханова в сноске он поясняет, что это был Тихомиров.—В. Ф.

Взглянувши на эту надпись, он немедленно вскакивал с постели, тщательно чистил платье и одевшись „прилично“, принимался за свою ежедневную беготню по Петербургу.

Личных друзей в обществе „Земля и Воля“ у Михайлова было очень немного. По характеру своему он более чем кто-нибудь другой склонен был согласиться с Прудоном в том, что „любовь есть нарушение общественной справедливости“. Про него говорили, что он любит людей только со времени вступления их в „основной кружок“ и только до тех пор, пока они состоят членами последнего. И нельзя не согласиться, по крайней мере, с положительной стороной этой характеристики. К каждому из своих товарищей он относился с самою нежною заботливостью, хотя и не упускал случая сердито поворчать за неисправность или небрежность. Несомненно также, что революционная работа до такой степени проникала собой все помыслы и чувства Михайлова, что он не мог полюбить человека иначе, как на „деле“ и за „делом“. Для столкновений с людьми помимо этого дела у него просто не было времени.

Весною 1879 года совершился крутой перелом в воззрениях Михайлова. Он все более и более начал склоняться к так называемому террористическому способу действий. Перелом этот произошел, конечно, не вдруг. Некоторое время он не высказывался принципиально против старой программы, хотя не упускал случая заметить, что мы не имеем и десятой доли сил, необходимых для ее выполнения. Но мало-помалу, новый способ действий выяснился для него окончательно, и когда, весной 1879 г., Соловьев и Гольденберг приехали в Петербург, жребий был уже брошен, Михайлов сделался террористом. С этих пор начинается новый период его жизни, который мне известен менее, чем предыдущие.

Я не знаю, придется ли мне еще встретиться с Михайловым, послужит ли он еще революционному делу или погибнет в каторжной тюрьме, несмотря на свой железный характер. Но я уверен, что у всех знавших Михайлова не изгладится из памяти образ этого человека, который, подобно Лермонтовскому Мцыри, знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть: этой думой было счастье родины, этой страстью была борьба за ее освобождение.

Г. Плеханов.

Ф. Д. —

„Земля и Воля“... Александр Дмитриевич Михайлов 1).

Александр Дмитриевич Михайлов 1).

Если Марк и Ольга Натансоны были строителями общества „Земля и Воля“, Марк — головой этого общества, Ольга — сердцем его, то Александр Дмитриевич Михайлов был, по справедливости, цитом, броней общества, все время, вплоть до того рокового момента, когда общество „Земля и Воля“ умерло естественной смертью. Александр Дмитриевич был Катонем-цензором нашего общества, оберегал его от распада примером собственной „дисциплины воли“, которую он так горячо защищал среди своих товарищей-земле-вольцев, и беззаветной преданностью своей революционному делу. Ясная, последовательная мысль. Не разбрасывалась она по сторонам, не уходила в мелочи, а всегда схватывала суть вопроса общее и единое в массе конкретных, частных явлений. Как мыслил, так и действовал. Зорко следя за тем, чтобы строго выполнялись членами организации все частные дробные функции, возложенные на них, он вместе с тем, ни на минуту не упускал из виду общей направляющей идеи и системы всего дела, во всей его совокупности. И никогда он не отступал от этого. В виду недостаточности сил в организации, в виду строгого подбора их, он настойчиво требовал от товарищей развивать в себе не только специальные функции, необходимые для организации, но и навыки строительные, организационные, объединяющие и согласующие общую работу организации, — без чего и нормальное бытие организации невозможно. На практике это значит: будь готов во всякое время заменить почему-либо выбывшего из рядов товарища! Будь готов во всякое время, когда тебя призывают! Будь готов, ибо ты не только часть целого, но и живое воплощение всего целого.

Считая себя самого только частью целого, он, тем не менее, так проникнут этим целым его идеей, системой и практикой, — что не может даже представить себе, как можно ограничить себя одной только дробной функцией. Он настойчиво, упорно и долго работал в этом направлении и достиг-таки своего — выработал из себя отменного организатора и администратора. Требуя этого от себя, он

1) О. В. Аптекин. Общество „Земля и Воля“ 70-х годов. Петроград, „Колос“, 1924.

Засулич, Вера Ив., рев. 11, 12, 66, 120, 121, 152, 201.	Кс	Ольхин, А. А., прис. повер. 55.
Зеге фон-Лауенберг („Морячок“), рев. 33.	Кр	Осинский, Валер. Андр., рев. 9, 29, 131, 132, 197.
Златопольский, Сав. Сол., рев. 19.	Кг	Ошанина—см. Оловенникова, М. Н.
Златопольский, Лео, рев. 158, 213.	Кр	Павел Прусский, старообр. 150, 151.
Зотов, секретарь „Голоса“, 55.	Ку	Перовская, Соф. Льв. рев. 11, 29, 33, 143, 158, 200, 202.
Зунделевич, Арон Ис., рев. 19, 33, 56, 128, 132, 164, 165, 170, 201, 202.	Ла	Плеве, Вяч. К., директ. департ. полиции 28, 29, 214, 216, 217, 224, 225.
Иванова (Карпова), пропаг. 201.	Ле	Плеханов, Георг. Вал., рев. 3, 14—16, 48, 74, 197.—Воспоминания его о А. Д. Михайлове 59—72.
Иванова (Борейша), Соф. Андр., рев. 19.	Ли	
Иванчин-Писарев, А-др Ив., рев. 44.	Лп	Поливанов, Петр Серг., рев. 25, 35.
Игнатьев, граф, Ник. Павл., м-р внутр. дел 158, 222, 225.	Лв	„Поливанов“, Конст. Никол.—нелег. фамилия А. Д. Михайлова (см.) 79, 80, 142.
Иохельсон („Володя“), Влад. И., рев. 17, 202.	Лк	„Полошкин“—нелегальн. фамилия А. Д. Михайлова 137.
Исаев, Григ. Прокоф., рев. 143, 158, 203, 204, 206, 208, 213, 223.	Лр	Попов, Мих. Родион., рев. 15, 44.
„Капитан“—партийн. кличка Чубарова (см.).	Лк	Пресняков, А. рев. 12, 18, 19, 29, 52, 55.
„Капустин“—нелег. фамилия М. Ф. Фроленко (см.).	Ма	Прибылева-Корба, Анна Павл., Ее биогр. очерк А. Д. Михайлова 7—25.—Заметки ее: „Крестный путь“ 222—223;—о происхождении А. Д. Михайлова 57—58;—по поводу автобиографии Михайлова 54, 56.
Каракозов, Дм. Вл., рев. 8.	Ма	
Карпов, Евтих. Павл., рев., писат. 201.	Ме	Рейнштейн, шпион 14, 15, 198.
Квятковский, А-др., рев. 12, 17, 19, 29, 45, 52, 55, 128, 154, 158, 165.	Мп	Росс—см. Сажин, Мих. П.
Кедрин, Евг. Ив., прис. повер. 161, 213, 214. Письмо его Дм. М. Михайлову 76;—письмо к нему А. Д. Михайлова 185—186.	Ми	Рысаков, Ник. Ив., рев. 29.
Кибальчиц, Ник. Ив., рев. 143.	Ми	Саблин, Ник. Ал-севич, рев. 143.
Кириллов, начальник канцелярии III Отделения 51, 52.	Ми	„Сабуров“ Владимир—нелег. фамилия Оболенцева, Ал. (см.).
Клеточников, Ник. Вас., рев. 14, 18, 21, 69, 158, 161, 203, 204, 206, 213, 214, 223.	Ми	Сажин („Росс“) Мих. Петр., рев. 200.
„Кобозев“—нелег. фамилия Юр. Н. Богдановича (см.).	Ми	Севастьянов, пропаг. 48.
Кобозева—незаконная фамилия А. В. Якимовой (см.).	н	Сентянин, Ал-др Евграфов., пропаг. 85, 86, 110.
Кобылянский, Людв. А-др., рев. 128, 165.	А	Сергеев, сарат. пропаг. 48.
Ковалик, Серг. Филип., рев. 200.	5а	Сидорацкий, Григ., рев. 11, 66, 121, 198.
Ковальский, Ив. Март., рев. 12, 124, 149.	е	Соловьев, А-др Конст., рев. 12, 15, 29, 44, 52, 56, 72, 109—110, 127, 129, 153, 154, 158, 163—165, 167, 198.
Коленкина, Мар. Ал-др., рев. 13, 68, Колодкевич, Ник. Ник., рев. 35, 44, 158, 203, 206, 213, 223.	е	Спасович, Вл. Дан., прис. повер. 161.
Колышкин, нач. секретн. отделен. петерб. градоначальства 87, 88.	ш	„Старик“—парт. кличка Л. А. Тихомирова.
	2	Стефанович, Як. Вас., рев. 44, 97, 147.
	А	Суханов, Ник. Евг., рев. 158, 162, 203, 206, 213, 222.
	В	
	о	
	м	
	ш	

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДЕЛ I.

ВСТУПЛЕНИЕ.

А. П. Прибылева-Корба—А. Д. Михайлов. Вступительная статья	7
В. Н. Фигнер—А. Д. Михайлов. Вступительная статья	26

ОТДЕЛ II.

БИОГРАФИЯ и ВОСПОМИНАНИЯ.

А. Д. Михайлов—Автобиографические заметки с примечаниями Л. А. Тихомирова	39
А. П. Прибылева-Корба—По прочтении автобиографии	54
А. П. Прибылева-Корба—К биографии А. Д. Михайлова: происхождение	57
Г. В. Плеханов—Воспоминание об А. Д. Михайлове	59
О. В. Аптекман—А. Д. Михайлов	73
Е. И. Кедрин—Письмо к отцу А. Д. Михайлова от 23 марта 1882 г.	76

ОТДЕЛ III.

СЛЕДСТВИЕ и СУД.

Показания А. Д. Михайлова на следствии ¹⁾	79
В. Н. Фигнер—Заметка о суде	158
Объяснения А. Д. Михайлова на суде ²⁾	162

ОТДЕЛ IV.

ПЕРЕПИСКА и ДОКУМЕНТЫ.

В. Н. Фигнер—К письмам А. Д. Михайлова	173
Письма А. Д. Михайлова к родным	175
Письма А. Д. Михайлова к товарищам-народовольцам	197
Завещание	211
Документы: Заявление по поводу кассации. Три прошения	212

ОТДЕЛ V.

К СМЕРТИ А. Д. МИХАЙЛОВА.

В. Н. Фигнер—К портретам	221
А. П. Прибылева-Корба—Крестный путь	227
Три документа о смерти А. Д. Михайлова	224

¹⁾ Появляется в печати впервые, так же как и обе вступительные статьи отд. I.
²⁾ Появляется в печати впервые.